

АВАНСЦЕНА. КОНЕЦ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

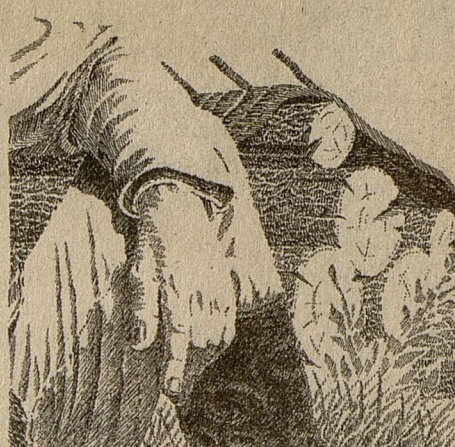

Рис. Сергея ИВАНУКА.

Конец правды. — 1996. — 22 дек. — с. 3

Александр Куприн. Я бродяга и страстно люблю жизнь

Один из купринских персонажей говорил: «Я бродяга и страстно люблю жизнь. Я был токарем, наборщиком, сеял и продавал табак, махорку-серебрянку, плавал кочегаром по Азовскому морю, рыбачил на Черном - на Дубининских промыслах, грузил арбузы и кирпич на Днепре, ездил с цирком, был актером - всего и не упомяну. И никогда меня не гнала нужда. Нет, только безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство».

Это - личное. Это Александр Иванович Куприн из себя вынул.

Он признавался, что никогда не умел чего-то сочинять. Всегда записывал лишь то, что существовало в реальности. Оттого и выглядел в реальности самым пристальным образом. «Я толкался всюду и везде нюхал жизнь, чем она пахнет, - рассказывал Куприн жене Маше. - Среди грузчиков в одесском порту, воров, фокусников и уличных музыкантов встречались люди с самыми неожиданными биографиями - фантазеры и мечтатели с широкой и нежной душой». Он говорил, что хотел бы войти внутрь каждого встреченного и поглядеть на мир его глазами.

Потому в эмиграции ему было труднее, чем кому-либо. Он не мог писать «из ума», как говорят дети. А откуда черпал - того лишился. Лишился прежде всего звучания русского языка, через который постигал человеческие типы. Как угадал давным-давно Чуковский: «Оторви его от донской лошади, и от семинаристов, и от папирос «Трубоч», и он погиб». Куприн чувствовал себя, как рыба, вытасненная на берег. Талант его стал засыхать. Он сам стал засыхать как личность. Увлажнялся водкой.

Жена Бунина, Вера Николаевна, сделала во Франции запись в дневнике: «О Куприне трудно писать воспоминания, неловко касаться его пьянства». Однако оно было, и нигде от этого не деться. Он пил всегда. И в России - еще страшнее. Физически очень сильный, делался иной раз бешеным во хмелю, совершая нелепые поступки, за которые расплачивался по полной мере. Однажды высадил стекло в поезде, где его жене и ребенку стало душно, а пассажиры не разрешили открыть окно. В другой раз, разъяренный словами жены, схватил спички, циркнул, поднес к ее черному газетному платю, в котором она вернулась из театра, и поджег. Зато на даче в Малых Изерах, где веселилась большая компания приглашенных им людей, она схватила графин с длинным горлышком и тяжелым фигурным дном и ударила его по голове. После этого он ушел, оставив в их петербургской квартире записку: «Между нами все кончено. Больше мы не увидимся».

Но это впереди. Пока же, в сочельник 1901 года, он делает предложение, а в канун Нового года дарит обручальное кольцо, внутри которого выгравировано: «Всегда твой - Александр», и две родственницы, не зная одна о покупке другой, привозят по коробке подвешенных цветов. Куприн бледнеет и объявляет, что по приметам невесте быть дважды замужем.

Муся, как звали ее все, или Маша, как стал звать он, была подкидыш в семье издательницы журнала «Мир Божий» Давыдовой. Бунин, привел Куприна к Давыдовым, пошутил: у вас невеста, у нас жених. Гость влюбился с первого взгляда. Муся рассеянно говорила подруге: «Маме хочется, чтобы я вышла за Куприна». Хорошенькая, стройная, темноволосая, с насмешливыми темными глазами, она была на десять лет моложе него. Подруга, описывая красоту Муси, ме-

Ведущая рубрики
Ольга КУЧКИНА

жду прочим бросила: «Ее портил смех, недобрый, немолодой». Он ловкий, широкоплечий, со стриженным каштановым ежиком, с красивым простецким лицом, нос приплюснут в боксе, узкие близорукие глаза, как обратил внимание при первом знакомстве Бунин. Узкие глаза достались от матери, урожденной княжны Кулунчаковой. «Кулунчак» - жеребец. И не случайно Куприн обожал лошадей. Когда в журнале напечатали его первую прозу, почти весь гонопарк - девять из десяти рублей - потратил на козловые ботинки для матери, а оставшийся рубль спустил в манеже, скача на лошадях.

Гордая наследница древних татарских ханов, его мать вышла замуж за обнищавшего дворянина, уездного писмоводителя. Вскоре он умер. Жизнь Куприна началась со школы унижения. Нищета погнала урожденную княжну во Вдовий дом, что располагался на Кудринской площади в Москве. Маленький Саша сперва обитал там вместе с матерью, позднее его перевели в сиротский пансион. Школа унижения продолжалась в армии. Куприн, тянувший армейскую лямку четыре года, пристрастился к вину. Захолустный городок Прохуров явился свидетелем такого пьяного скандала, после которого Куприну пришлось выйти из полка. Зато в отечественной литературе осталась уникальная вещь о русском офицерстве - «Поединок». «Я назову этот роман «Поединок», потому что это будет поединок мой, поединок с царской армией. Она калечит душу, подавляет все лучшие порывы человека, его ум и волю, унижает человеческое достоинство», - делился он с Машей.

Они обвенчались. Сила его чувства не могла оставить ее холодной. Особо ценила она его писательский труд. И все же слишком часто не встречал он в ней того, на что надеялся. Выходки его лишь углубляли трещину между ними - заколдованный круг любви. В день рождения он преподнес ей подарок: золотые часики, покрытые коричневой эмалью, с мелким узором на крышке. Ждал, что она обрадуется. Она скривилась: вот старушечьи. Он изменился в лице, схватил часы, бросил о стену, то, что от них осталось, принял яро-стно давить каблуком.

У них уже была маленькая дочь Лидя. Отныне Маша пускала его домой при условии сделанной работы. «Теперь, прежде чем попасть в квартиру, он должен был рукописи просовывать в щель двери и ждаль, пока я просмотрю ее. Если это был новый отрывок из «Поединка», я открывала дверь», - написала Мария Карловна Куприна-Иорданская в воспоминаниях, возможно, не до конца понимая, как она в них выглядит. «Машенька, пусти, я очень устал и хочу спать. Пусти меня, Маша...» Она пишет, что не отвечала. Маленькая Лидя сочинила частушку: «У меня есть папа, у меня есть мама. Папа много водки пьет, его за это мама бьет».

Природу Куприна поняла

жена Бунина: «Мне кажется, что в подсознании Александра Ивановича клубились такие чувства, о которых мало кто имел представление...» Кое-что могут прояснить отношения Куприна с Буниным, хотя Вера Николаевна замечает: «Тут понадобился бы сам Достоевский, чтобы все понять».

Целомудрие искренности - пожалуй, главные слова о Куприне. Он плакал над рукописью «Гранатового браслета». В письме сообщал о протипах: это истинная история телеграфного чиновника Жолтикова, который был безнадежно, трогательно и самоотверженно влюблен в жену Любимову. Сам Куприн годы спустя, в Париже, на Старый Новый год шел в маленькое бистро, и, сидя один за бутылкой вина, писал нежное письмо женщине, которую много лет любил тайной любовью. Как в его «Гранатовом браслете». Может, ее звали Муся-Маша?..

К тому времени он был уже женат вторым браком. Тут все очень запутано, как многое в его жизни. Лиза, которая станет его второй женой, ждала от него ребенка еще в период его скитаний от Маши и обратно. Был день, когда он сказал Маше: «Вот, Машенька, я и приехал. Твой верный песик побегал, побегал и вернулся». Увы, место было уже занято приятным молодым человеком по фамилии Иорданский. Елизавета Моричева Гейнрих, незаконная дочь писателя Мамина-Сибиряка, воспитывалась в доме крестной матери, той, что была приемной матерью Муси. Так что Лиза и Муся дружили с детства. Мемуаристка вспоминает: «Малозаметная молодая женщина с пригожим чистым личиком, в которой не было ни тени Мусино-го блеска и утонченности, стала для него самым близким человеком, его пестуней и целительницей. Совсем не пить он уже не мог, но от сплошного, дикого пьянства она его отвела».

Чрез шесть лет брака он окончательно разошелся с Машей и уехал с Лизой в Финляндию лечиться от неврастенических припадков. В Финляндии он служил в первую мировую войну, призванный как офицер запаса. И туда же попал, уйдя с войсками Юденича из Гатчины. Вернуться из эмиграции рвался почти сразу же, но беспокоился: не расстреляют ли?

Дочери Лиде, оставшейся в Москве, писал из Парижа: «Живется нам - говорю тебе откровенно - скверно. Обитаем в двух грязных комнатюшках, куда ни утром, ни вечером, ни летом, ни зимой не заглядывает солнце». Получала от него печальные письма и Маша. «Существовать в эмиграции, да еще русской, да еще второго призыва - это то же, что жить поневоле в тесной комнате, где разбились дюжину тухлых яиц...».

Жена Лиза помогла перенести тяжкую весть о смерти дочери Лиды.

Тоска и отчаяние накапливались. Он брел по парижской улице в потертом коричневом, ставшем для него слишком просторным, пальто, в шляпе, потерявшей цвет, с седой всклокоченной бороденкой, и невозможно было понять, что он думает и чувствует, и невозможно было узнать в нем прежнего силача, не оставлявшего попыток одолеть жизнь.

«Я готов был пойти в Москву пешком, по шпалам», - воскликнет он, садясь в вагон поезда, что повезет его в конце концов в Россию.

Больной, обессиленный, он знал, что приехал умирать.

Чтобы проститься с ним, на улице соберется тысячная толпа. К гробу ее не допустят. Его похоронят без речей и музыки.

225